

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.35>

Серeda Елена, Герасимова Анастасия Сергеевна

Особенности передачи культурно-бытовых реалий на английский язык в пьесе А. П. Чехова "Вишневый сад"

В статье проводится анализ особенностей передачи русских бытовых реалий, выделенных в рамках пьесы А. П. Чехова "Вишневый сад", на английский язык. Отобранные русские единицы распределяются по выделенным тематическим группам, в рамках каждой из которых предлагается анализ передачи данных единиц на иностранный язык. Целью работы является установление способов передачи культурно-бытовых реалий при переводе русского художественного текста на английский язык. Полученные результаты показывают, что переводчиками применяются различные переводческие приемы, при этом зачастую утрачиваются национально-культурные особенности и колорит русской культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/4/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 171-176. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. Крылова М. Н. Образ воды в системе современного русского компаратива // Горизонты цивилизации. 2018. № 9. С. 127-136.
10. Литвинова Т. И. Метафоры со сферами-источниками «спорт» и «игра» в немецком политическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 1. С. 101-105.
11. Нгуен Т. Б. Х. Концептуальная метафора «люди – деревья» в идиомах и пословицах вьетнамского языка // Наука, образование, общество. 2017. № 2 (12). С. 40-50.
12. Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 2000. 556 с.
13. Ступина Т. Н. Символ «вода» в немецкой и русской фольклорной модели мира // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы: материалы VII Международной научной конференции. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 569-574.
14. Фадеева Н. Г. Театральная метафора: основные модели и сферы функционирования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (127). С. 90-94.
15. ФИНАМ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finam.ru> (дата обращения: 23.02.2020).
16. Шустова А. М. Водные ресурсы России [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecosystema.ru/07referats/vod_resourse.htm (дата обращения: 23.02.2020).
17. Юшина В. Д. Роль педагогической метафоры в образовательном процессе // Молодой ученый. 2019. № 7 (245). С. 172-175.
18. <https://baomoi.com> (дата обращения: 23.02.2020).
19. <https://dantri.com.vn> (дата обращения: 23.02.2020).
20. <https://thanhnien.vn> (дата обращения: 23.02.2020).
21. Trần Hữu Thục. Ấn dụ qua dòng lịch sử [Электронный ресурс]. URL: <http://amvc.free.fr/Damvc/GioiThieu/TranHuuThuc/AnDuQuaDongLichSu-TDNho.htm> (дата обращения: 23.02.2020).
22. Trần Ngọc Thêm. Tìm về bản sắc văn hóa Việt Nam. NXB TP Hồ Chí Minh. Năm, 1996. 246 p.
23. Trịnh Sâm. Giải mã “chữ Thủy” trong văn hóa Việt Nam [Электронный ресурс]. URL: <http://kienthuc.net.vn/phong-thuy/giai-ma-chu-thuy-trong-van-hoa-viet-216842.html> (дата обращения: 23.02.2020).
24. VtcNEWS [Электронный ресурс]. URL: <http://vtc.vn> (дата обращения: 23.02.2020).

Comparative Analysis of Metaphors with the Sphere Source “Water Space” in the Vietnamese and Russian Languages (by the Material of Economic Newspapers)

Nguyen Thi Hong Nhung

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
nhungkite@mail.ru*

The article examines the Russian and Vietnamese metaphors associated with water and water space. The paper aims to provide a comparative analysis of metaphors in newspaper language and to identify similarities and differences in the metaphorical meanings formed to describe economic phenomena. It is shown that metaphors with the sphere source “water space” represent the image of water in the Russian and Vietnamese cultures. The findings justify a conclusion that national cultural peculiarities influence the process of the metaphor formation.

Key words and phrases: metaphor; sphere source “water”; Vietnamese language; Russian language; semantic groups; comparative analysis.

УДК 81-23

Дата поступления рукописи: 15.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.35>

В статье проводится анализ особенностей передачи русских бытовых реалий, выделенных в рамках пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад», на английский язык. Отобранные русские единицы распределяются по выделенным тематическим группам, в рамках каждой из которых предлагается анализ передачи данных единиц на иностранный язык. Целью работы является установление способов передачи культурно-бытовых реалий при переводе русского художественного текста на английский язык. Полученные результаты показывают, что переводчиками применяются различные переводческие приемы, при этом зачастую утрачиваются национально-культурные особенности и колорит русской культуры.

Ключевые слова и фразы: культурно-бытовые реалии; художественный перевод; А. П. Чехов; перевод реалий; русские бытовые реалии; Вишневый сад; перевод русских реалий на английский язык.

Серда Елена, к. филол. н.

Герасимова Анастасия Сергеевна, к. филол. н.

*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
elena_sereda@mail.ru; nastasi_09@mail.ru*

Особенности передачи культурно-бытовых реалий на английский язык в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад»

Проблема перевода языковых и культурных реалий остается открытой по настоящее время. Культурно-бытовые реалии относятся к несовпадающим элементам языка и обозначают понятия, неизвестные

и зачастую чуждые другим культурам. Отдельного взгляда при исследовании заслуживают подобные реалии, встречающиеся в художественных текстах. Коммуникация между писателем и читателем имеет свои особенности, поскольку участники данного дискурса отделены друг от друга и временем, и пространством. Еще большие специфические особенности получает процесс коммуникации между писателем и иностранным читателем, читающим произведение в переводе. Подобной спецификой рецепции переводного текста и объясняется **актуальность** данной работы, в рамках которой предлагается анализ способов перевода культурно-бытовых реалий, а также выделяются наиболее продуктивные способы передачи исследуемых единиц. **Научная новизна** работы состоит в том, что изучение культурно-бытовых реалий и особенностей их передачи на английский язык проводится на базе классического литературного произведения, написанного во времена, отдаленные от современности; в рамках статьи выделенные культурно-бытовые реалии распределяются по тематическим группам, устанавливаются приоритетные среди отмеченных групп. Полученные данные представляется возможным использовать для проведения аналогичных исследований при изучении передачи культурных реалий Чеховского периода, а также для изучения особенностей перевода реалий на базе других произведений и авторов. **Цель** исследования заключается в проведении сопоставительного анализа культурно-бытовых реалий текста оригинала и текстов перевода с последующим выявлением особенностей лексической единицы оригинала и способов ее передачи на английский язык.

Для проведения переводческого анализа мы обращаемся к трем вариантам перевода, выполненным Энн Данниген (Ann Dunnigan), Констанс Гарнетт (Constance Garnet) и соавторами Кэтлин Мэри и Ив Литвинов (Kathleen Mary Cook и Ivy Litvinov) [7-10].

В **задачи** работы входит: выявить культурно-бытовые реалии в тексте оригинала; установить приоритетные тематические группы реалий при помощи компонентного и контекстуального **методов**; применяя методы сопоставительного, семантического анализа, выявить особенности единицы оригинала, способы ее перевода; провести переводческий анализ с целью оценить особенности перевода выделенных реалий.

Сам А. П. Чехов крайне настороженно относился к факту попытки перевода своей пьесы, поскольку, по его мнению, «французы ничего не поймут из Ермолая, из продажи имения», а в Германии «нет ни биллиарда, ни Лопахиных, ни студентов а la Трофимов» [6, с. 55]. Необходимо подчеркнуть, что бытовые реалии усадебной жизни отражены не только в непосредственно названиях вещно-бытовых деталей. Данный тип реалий также напрямую отражен в процессе номинации тех или иных представителей дачного быта – обращение к крестьянину, барину, соседям и т.д. Г. В. Денисова выделяет понятие культурно обусловленной лексики, включающей широкий спектр языковых единиц, а именно реалии, имена собственные, фразеологические единицы, обращения, каламбуры, выражения вне литературной нормы, аллюзии [2]. В настоящей статье при выделении бытовых реалий мы ориентируемся на классификацию В. С. Виноградова, согласно которой весь пласт бытовых реалий можно условно разделить на реалии собственно вещного мира, реалии социума и реалии, относящиеся к описанию персонажей, включая разнообразные формы обращения к персонажу, а также прозвища и антропонимы [1]. В рамках исследования было выделено 9 групп бытовых реалий. Предлагается рассмотреть примеры, отнесенные к каждой из групп, и отметить особенности перевода указанных лексем на английский язык.

Перевод названий социального статуса и обращений. Данная группа представляется наиболее продуктивной, включает 43 единицы. В рамках статьи рассмотрим наиболее интересные и объемные примеры из пьесы.

Говоря о категории бытовых реалий, описывающих обитателей усадьбы, в первую очередь обратимся к дихотомии «барин – слуга». Обращение «*барышня*» встречается на протяжении всего текста пьесы. Если обращение относится к Анечке, то переводчики используют сочетания “*the young mistress*”, “*Mademoiselle Anya*”, “*my young lady*”. Если же имя не уточняется, то лексема «*барышня/барышни*» переводится как “*lady/ladies*”, “*girl/girls*”, “*young lady / young ladies*”. В тексте пьесы довольно часто также встречается обращение «*братцы*». Двое из переводчиков используют прямой перевод “*brothers*”, однако один из переводчиков передает ее как “*my lads*”, прибегая к полной замене. При переводе лексики со сниженной эмоционально-экспрессивной окраской нарушается степень «сниженности» значения. Так, слово «*недомена*» переводится как “*booby*” (глупый, придурковатый), вариант с более сниженной окраской, нежели достаточно нейтральный литературный пример с «недометой».

Обращения «*дед*» и «*голубчик*» имеют одинаковый эквивалент в переводе “*old man*” (старый человек), что нивелирует семантическое и эмоциональное содержимое.

Интересен пример перевода обращения «*мужичок*» (при обращении барыни к крестьянскому ребенку). Двое из переводчиков предлагают вариант “*little peasant*”. Третий же вариант перевода предлагает “*little muzhik*”. Первый вариант отражает коннотативное значение ласкового обращения барина к маленькому крестьянину. Последний перевод не дает лингвистического комментария к слову «мужик» и не показывает стилистической сочетаемости. Любопытной также представляется передача дихотомии «мужики – господа». Во всех трех переводах реалия «*мужики*» была интерпретирована как “*peasants*” (крестьяне), а реалия «*господа*» была передана при помощи варианта “*masters*” (хозяева). Ни одна из версий не отражает смысла, вкладываемого в понятия «мужики» и «господа», поскольку «крестьяне» не отражают характеристику подчиненности, а «хозяева» подразумевают признак принадлежности, который отсутствовал во времена Чехова, когда крепостное право уже не существовало.

К бытовым реалиям пьесы можно отнести и прозвища. Так, Епиходова называют «*двадцать два несчастья*», что в двух вариантах перевода передается семантическим переводом: “*two and twenty troubles*” (Энн Данниген), “*twenty-two misfortunes*” (Кэтлин Мэри и Ив Литвинов). Найденные переводчиками аналоги не отражают семантической наполненности выражения и его стилистической окраски. В переводе “*Constance Garnet*” прозвище Епиходова звучит как “*simple Simon*”, что отображает заложенный коннотативный смысл.

Петя Трофимов носит прозвище «облезлый барин», которое в переводе звучит как “*a moth-eaten gentleman*” (траченный молью джентльмен). Данный вариант реалии более понятен англоязычному читателю, однако «облезлый» и «клизденный молью» несут разную семантическую нагрузку. Второе прозвище Пети – «вечный студент» – представлено вариантом перевода “*a perpetual student*”. Этому варианту придерживаются и Энн Данниген, и Кэтлин Мэри и Ив Литвинов. Формально перевод верен, однако фраза в целом не доносит суть реалии, поскольку не отображает заложенную в нее семантику. В интерпретации “*Constance Garnett*” реалия «вечный студент» переводится как “*an eternal student*”, что также не отражает семантическую наполненность реалии в оригинале.

Русское обращение «любезный» в английском варианте передается одним переводчиком как “*my lad*” (парень), другими – как “*my good fellow*” (мой друг). Оба перевода представляются семантически искаженными, также выделяются разговорной окраской, чего нет в русском варианте. Подобной же стилистической окраской обладает слово «Милейшая». При переводе авторами предлагается два варианта: “*Dear madam*” и “*Dear lady*”. Данные варианты являются примерами прямого перевода и представляются довольно адекватными, поскольку передана семантика исходной лексемы, в некоторой степени переводчикам удалось передать также и стилистику. При переводе таких обращений, как «отец и мамаша», а также «папаша и мамаша» все переводчики обращаются к семантическим соответствиям “*father and mother*” и “*papa and mamma*” соответственно. Однако очевидно, что подобный перевод никак не отражает стилистическую маркированность оригинала.

В ходе анализа переводов пьесы выделяются не только обращения, но социальные характеристики героев. Встречаются такие определения, как «помещик», «помещица». Переводчики прибегают к приближенному переводу “*landowner*”, однако одним из переводчиков предлагается описательный перевод “*the owner of the Cherry Orchard*” (владелец Вишневого сада).

Реалия «купец» передается всеми переводчиками посредством переводческого аналога в языке перевода и реализуется через лексему “*merchant*”. Такая социальная реалия, как «кулак», передается в двух вариантах – “*usurer*” и “*money-grubber*”, – которые не совсем точно передают семантику исходного слова. В тексте пьесы выделены такие реалии, как «крепостной» и «крепостник». Первую из них все переводчики переводят посредством лексемы “*serf*”, что представляет собой переводческий эквивалент. При переводе лексемы «крепостник» двое из переводчиков предлагают переводческий эквивалент “*serf-owner*”, однако один из переводчиков использует “*slave owners*”.

Отдельное внимание стоит уделить уменьшительно-ласкательным формам имен. Так, обращение «Анечка» передается либо транскрипцией – “*Anitchka*”, либо исчезает уменьшительно-ласкательная коннотация и имя передается как “*Anya*”, либо с добавлением “*Anya dear*”. «Дуся» передано как “*Darling*” или “*My darling*”, т.е. наблюдается полная замена имени. При передаче имени «Дуняша» во всех переводах применяется транскрипция – “*Dunyasha*”, что в английском варианте не отражает уменьшительно-ласкательное значение обращения. Транскрипцией передаются практически все имена в пьесе. Так, «Фирс» переводится либо как “*Firs*”, либо как “*Feers*», «Лопухин» – “*Lopakhin*” / “*Lopahin*”, «Гаев» – “*Gayev*” / “*Gaev*”. Имя «Варя» во всех переводах передано как “*Varya*”, то же самое наблюдается и при передаче имен «Трофимов» – “*Trofimov*”, «Пищик» – “*Pishtchik*”, «Шарлотта» – “*Charlotta*”. Небольшие различия отмечаются при передаче имени «Яша»: “*Yasha*” / “*Yakov*”.

Перевод наименований профессий (10 примеров). Реалия «камердинер» переводится двумя переводчиками буквально – “*footman*” (главный лакей), третий переводчик передает данную реалию в виде “*chief valet*” (главный лакей, слуга). Суть понятия передана достаточно точно, применен прием расширения для придания акцента значимости.

В пьесе встречается упоминание таких исторически окрашенных профессий и должностей, как «почтовый чиновник», «присяжный поверенный», «пристав», «лакей», «конторщик», «извозчик», «банковский служака», «начальник станции». Так, «почтовый чиновник» передается переводчиками при помощи приема калькирования “*post-office clerk*” или “*post-office official*”. «Присяжный поверенный» передан в трех переводах разными вариантами с применением приближенного перевода: “*advocate*”, “*solicitor*”, “*lawyer*”. «Пристав» в языке перевода передается при помощи приближенного перевода: “*the Commissioner of Police*”, “*the Police Inspector*”, “*the Police Captain*”. Переводчики прибегают к приближенному переводу и при передаче реалии «лакей» – “*footman*”, “*man-servant*”, “*valet*”. Все три варианта передают семантику лексемы, однако стилистика в переводе не отображена. Подобное же наблюдается и в переводах лексем «конторщик» – “*clerk*”, «извозчик» – “*a driver*”, “*a cabman*», «банковский служака» – “*a bank official*”, “*a bank clerk*”. При переводе реалии «начальник станции» переводчики прибегают к приему калькирования – “*station-master*”.

Перевод наименований денежных единиц и единиц измерения (6 единиц). Наиболее часто встречающейся денежной единицей в тексте пьесы явилась лексема «рубли». Все три переводчика предлагают прием транслитерации – “*ruble*”. Выбранный эквивалент кажется единственно возможным, однако иноязычному реципиенту невозможно без комментария понять, насколько расточителен персонаж, дающий чаевые в подобном объеме, насколько велика стоимость рубля в царской России по отношению к уровню доходов населения. Однако второй вариант перевода имеет следующее уточнение – “*a whole ruble*” (целый рубль), очевидно, что переводчик достаточно успешно подбирает лексический эквивалент, способный передать коннотацию смысла. При переводе лексемы «копейка» в одном переводе используется прием транскрипции и транслитерации – “*copeck*”. В двух других переводах переводчики используют лексему «фартинг» (“*farthing*”), полностью нивелируя семантическую и стилистическую составляющую русской лексемы.

Для перевода реалии «бумажник», не именующей денежную единицу, однако относящейся к данной лексико-семантической группе, переводчики прибегают к вариантам: “*pocket-book*”, “*pocket-book with paper money*” и “*pocketbook*”. Каждый из вариантов представляет собой пример описательного перевода, однако полностью семантика исходной лексемы не передается.

Помимо денежных единиц в тексте пьесы также встречаются исконно русские единицы измерения – «*десятина*» и «*верста*». Первая реалия всеми тремя переводчиками передается разными вариантами: “*Dessiatin/patch*”, “*(three) acre*”, “*Three-acre (plot) / bit*” – в обоих вариантах замена русской единицы измерения на характерную английскую. При переводе «*версты*» все три переводчика прибегают к переводческому аналогу – “*mile*”, что семантически передает значение исходной единицы, однако стилистическая окраска теряется.

Перевод наименований помещений (8 единиц). В пьесе присутствуют реалии, передающие наименования помещений, некоторые из которых не характерны и для современного русского языка. Среди помещений дома, являющих собой интерьерные бытовые реалии, выделяются понятия «*передняя*» (“*front hall*”) и «*людская*» (“*servants’ room*”) как обязательные атрибуты барской усадьбы. Данные варианты перевода отражают семантическое референциальное значение русской реалии, при этом теряя коннотативное значение. «*Русская баня*» – еще один непреходящий атрибут русской усадьбы, сложно поддающийся переносу в иноязычную языковую среду. Предлагаемый переводчиком вариант “*bath-house*” (купальня) сразу отмечается неточностью со стороны семантической наполненности слова «*баня*».

Реалия «*имение*» передана в двух вариантах словоформой “*estate*” (поместье, имение), что отражает суть понятия. В третьем случае переводится как “*property*” (собственность), таким образом, реалия лишается конкретики при переводе. При передаче лексемы «*гостиная*» переводчиками применяются такие кальки, как “*reception-room*”, “*sitting-room*”, “*drawing-room*”. Присущее русской культуре понятие «*дача*» реализуется при переводе в качестве варианта “*villa*” или же с адъективным добавлением “*summer villa*”. При передаче реалии «*гимназия*» один из переводчиков прибегает к французскому эквиваленту “*the Gymnase*”, двое других переводчиков используют переводческие замены “*the Higher school*” и “*the High school*”.

Перевод наименований предметов мебели (6 единиц). Одушевление персонажами пьесы предметов вещного мира невероятно популярно у А. П. Чехова. Наблюдается уменьшительно-ласкательная форма обращения к вещам, их отождествление с членами семьи: «*Шкафик мой родной!*». Английским аналогом выступает во всех случаях исключительно вариант “*cupboard*”, что лишает реалию символической значимости. Реалия в категории «предметы мебели» – стол – упоминается однажды в уменьшительно-ласкательной форме, утерянной в результате семантического перевода: «*Столик мой*» – “*My little table*”. «*Сундук*» передается при помощи семантического перевода (“*trunk*” – «дорожный сундук, кофр, чемодан»), что не является полным эквивалентом. «*Рукомойник*» передается в двух переводах при помощи калькирования – “*a wash-hand stand*” – реализуются семантические оттенки исходной единицы, но образность теряется. В одном варианте перевода переводчик прибегает к описательному переводу “*to take me to wash my face*”.

Перевод наименований посуды и домашней утвари (3 реалии). Одним из ярчайших примеров реалии в рамках настоящей группы выступает «*самовар*». Для передачи данной реалии переводчики используют прием транслитерации в сочетании с транскрипцией (“*samovar*”), однако без переводческого комментария суть реалии неясна иноязычному реципиенту.

К настоящей группе также относятся такие бытовые реалии, как «*подушечка*» и «*плед*». Лексему «*подушечка*» переводчики передают либо как “*cushion*”, либо как “*footstool*”. Первый вариант транслирует семантику лексической единицы, во втором случае переводчик прибегает к конкретизации значения исходной лексемы. При передаче лексемы «*плед*» переводчики используют варианты “*shawl*” и “*rug*”. Первый вариант перевода представляет собой конкретизацию значения. Второй вариант представляется семантически некорректными.

Перевод наименований продуктов и напитков (7 единиц). Настоящая группа представлена реалиями, номинирующими напитки и называющими продукты питания. При переводе реалии «*варенье*» найдена функциональная замена “*jam*”. Суть понятия отражена, однако варенье и джем передают понятия разных видов кондитерских изделий, в результате чего можно говорить о не вполне точном переводе реалии. При передаче лексемы «*квас*» переводчики прибегают к варианту “*kvass*”. Перевод реалии при помощи транскрипции не дает понимания сути реалии, поскольку лишен переводческого комментария. Русскую реалию «*кофий*» все варианты перевода передают словоформой “*coffee*”. Сохраняется лексическое значение слова, но теряется его стилистическая окраска. Реалия «*сливки*» переведена во всех трех случаях приемом семантического перевода (“*cream*”), однако в английском языке слово “*cream*” переводится также и как «*крем*» (десертное блюдо), «*крем-ликер*», которые тоже могут подаваться к кофе. Говоря о передаче реалии «*копьячок*», которая не является русской бытовой реалией, отметим, что интерес представляет уменьшительно-ласкательный суффикс, который придает лексеме особую стилистическую окраску. Во всех переводах данная окраска теряется, потому как «*копьячок*» передается как “*cognac*” или “*brandy*”. Таким образом, семантика лексемы передана, утеряна ее стилистика.

Упомянутое в пьесе блюдо «*горох*» имеет два варианта передачи на язык перевода – “*peas*” и “*peas pudding*”. Оба варианта не представляются семантически и стилистически точными. Переводчики прибегают к описательному и к прямому переводу. Лексема “*peas*” отмечает не блюдо, а растение либо продукт. Второй вариант “*peas pudding*” передает название русского блюда английской вариацией.

Перевод наименований одежды и обуви (7 единиц). В большинстве случаев переводчик обращается к приему описательного перевода. Так, «*сапоги*» передаются как “*boots*”, что мало соответствует сути понятия, так как в английском языке лексема “*boots*” имеет контекстуальное значение, которое неочевидно

в данном коннотативном окружении. «Поддевка из тонкого сукна» переведена как “*a long, waisted coat of fine cloth*” в рамках одного перевода и “*a shortwaisted full coat*” – в переводе другого автора. Но характеристика реалии «поддевка» в России мало соответствует переводному варианту «длинное приталенное пальто из качественной ткани», поскольку не отражает детали данного вида одежды, обезличивая реалию. «Шаровары» передаются переводчиками как “*wide oriented-style trousers*”, “*loose trousers*”, “**Russian breeches**”, “*full trousers*”. Шаровары же в качестве предмета одежды русского мелкопоместного дворянства далеки от перевода «широкие брюки в восточном стиле», поскольку в царской России шаровары имели несколько вариаций, в частности, не имеющие ни малейшего сходства с восточными шароварами.

В ходе анализа выделены также «*тальяма/тальямочка*» (женская длинная накидка без рукавов), переданная в переводе как “*a little cloak*”, и «*фрак*», переведенный как “*swallowtail coat*”. Переводчики прибегают к описательному переводу, что передает семантику исходной лексемы, однако теряются образность и историческая окраска. Что касается передачи такой реалии, как «*фрак*», то один из переводчиков прибегает к описанию внешних характеристик предмета одежды – “*swallowtail coat*” (жакет с раздвоенным хвостом). Перевод не полностью передает сущность данного предмета одежды и семантику самой лексемы. В двух других вариантах перевода «*фрак*» передается как “*dress-coat*” и “*evening-dress*”, что представляет собой пример описательного перевода.

Интересен перевод лексемы «*фуражка*», которая в одном случае переводится как “*a forage cap*”, в другом варианте передается транскрибированием и сопровождается комментарием переводчика: “*Furazska*” (*The commonest men’s headgear in Russia, shaped like a yachting cap*). Перевод “*a forage cap*” представляется довольно удачным. Один из переводчиков также прибегает к передаче лексемы транскрипцией с построчным комментарием.

Перевод наименований праздников, религиозных и культурных реалий (7 единиц). В рамках пьесы выделены реалии, номинирующие различные религиозные праздники и традиции. Так, словосочетание «*на Святой*» (имеется в виду «на Святой неделе», т.е. на Пасхальной неделе) передается соответствием в языке перевода “*in Easter week*” с использованием субстантивного дополнения. Тот же праздник, но уже с другим наречием времени «*после Святой*», передается разными переводчиками по-разному: “*after Easter*”, “*In Easter week*”, “*Just after Easter*”. Из представленных переводов видно, что два переводчика прибегают к опущению лексемы “*week*”. Словосочетание «*Страстная неделя*» передано полным соответствием языка перевода “*the Holy week*”. Подобное же наблюдается и при переводе такого праздника, как «*Троицын день*», и реалии «*Великий Пост*». Переводчики прибегают к применению соответствия при переводе обоих словосочетаний – “*Trinity Sunday*” и “*Lent*”.

В тексте пьесы также встречаются такие культурные традиции, как танцы. Один из представленных видов танцев – это «вальс», в пьесе встречающийся в варианте «*вальсшика*», который переводчиками передается в качестве “*a little waltz*” и “*a bit of waltz*”. Данные варианты семантически соответствуют исходной лексеме, но стилистическая и просторечная окраска при переводе утеряны.

При переводе традиционного кавказского танца «*лезгинка*» один из переводчиков прибегает к описательному переводу – “*Caucasian dance*”. Два других переводчика прибегают к приему транскрибирования “*lezginka*”, при этом один из них никак не объясняет значение транскрибированной лексемы, другой же сопровождает реалию переводческим комментарием.

При проведении анализа перевода бытовых реалий отмечается, что в пьесе А. П. Чехова «*Вишневый сад*» при передаче реалий на русский язык используются трансформации различного типа. Необходимо отметить роль контекста в выделении текстовой функции той или иной реалии, а также в раскрытии ее значения. **Исследование показывает**, что наиболее часто применяемой трансформацией явился способ приближенного перевода, который не всегда оказывается удачным, поскольку при применении данного приема зачастую теряется стилистическая окраска реалии, отражающая национальный колорит. Для передачи имен собственных и обращений чаще всего используются транскрипция и транслитерация. Метод калькирования применяется нечасто, при передаче некоторых наименований реалий.

Список источников

1. **Виноградов В. С.** Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета, 1978. 172 с.
2. **Денисова Г. В.** Проблемы переводимости культурологически обусловленной лексики: в переводе с русского на итальянский язык: дисс. ... к. филол. н. М., 1998. 198 с.
3. **Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
4. **Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд-е 2-е. М.: Просвещение, 1976. 568 с.
5. **Станиславский К. С.** А. П. Чехов в Художественном театре // А. П. Чехов в воспоминаниях современников / сост. Н. И. Гитович. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960. С. 371-418.
6. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1983. Т. 12. Письма. 514 с.
7. **Chekhov A.** Plays / transl. by P. Carson. L.: Penguin Books, 2002. 359 p.
8. **Tchehov A.** The Cherry Orchard // Tchehov A. Four Great Plays: The Sea Gull. The Cherry Orchard. Three Sisters. Uncle Vanya / transl. by C. Garnett. N. Y.: Bantam Books, 1963. P. 117-154.
9. **Tchehov A.** The Major Plays / foreword by R. S. Brustein. N. Y.: New American Library, 2001. 382 p.
10. **The Cherry Orchard** // Plays by Anton Tchekoff. 2nd series / tr. with an introduction by J. West. N. Y.: Scribner’s, 1917. P. 150-203.

Ways of Translating Cultural and Everyday Realia in the English Versions of A. P. Chekhov's Play "The Cherry Orchard"

Sereda Elena, Ph. D. in Philology
Gerasimova Anastasiya Sergeevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics
elena_sereda@mail.ru; nastasi_09@mail.ru

The article analyses peculiarities of translating the Russian everyday realia in the English versions of A. P. Chekhov's play "The Cherry Orchard". The identified lexical units are classified into thematic groups; ways to translate them into English are analysed. The research objective includes identifying the techniques to transfer cultural and everyday realia while translating the Russian fiction text into English. The findings indicate that translators use different techniques and national cultural colour is often lost.

Key words and phrases: cultural and everyday realia; literary translation; A. P. Chekhov; realia translation; Russian everyday realia; "The Cherry Orchard"; translation of Russian realia into English.

УДК 81.42

Дата поступления рукописи: 13.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.36>

Целью статьи является рассмотрение лексико-семантических средств реализации концепта БЕДНОСТЬ при описании детей в английских и русских художественных текстах. Научная новизна заключается в определении типов лексических значений слов в таких текстах, выявлении видов подтекста в авторской речи, установлении типичных особенностей речи таких детей, эмоций и коммуникативных стратегий по отношению к ним, в отличие от бедных взрослых персонажей. Полученные результаты показали, что используемые языковые средства отличаются разнообразием в плане значения и выражения, формируя высокую степень экспрессивности повествования, и в целом являются аналогичными в английских и русских текстах.

Ключевые слова и фразы: лексика; семантика; лексическое значение; эмоции; экспрессивность; имплицитность; подтекст; сленг.

Юкина Елена Юрьевна, к. филол. н.
Московский государственный областной университет
sobol-sbr@mail.ru

Лексико-семантические особенности формирования образов бедных детей в английских и русских художественных текстах

Введение

В художественных произведениях достаточно часто встречаются описания бедных персонажей, в том числе и детей. Языковые средства формирования образов бедных детей в художественном тексте имеют свои лексико-семантические и стилистические особенности, а эмоции и коммуникативные стратегии при описании бедных взрослых и бедных детей частично отличаются в силу социальных, психологических, возрастных особенностей персонажей. Изучение данных языковых особенностей текста позволяет повысить реалистичность повествования, передавая детали быта, мышления и эмоций бедных детей, а также усилить экспрессивность и прагматику текста. Все это определяет **актуальность** избранной темы.

Научная новизна работы заключается в определении типов лексических значений слов в текстовых фрагментах с описаниями бедных детей, выявлении видов подтекста в авторской речи, характеристике типичных особенностей речи таких детей, эмоций и коммуникативных стратегий по отношению к ним, в отличие от взрослых бедных персонажей.

Цель статьи – выявление лексико-семантических особенностей реализации концепта БЕДНОСТЬ при формировании образов детей в английских и русских художественных текстах.

Основные **задачи** заключаются:

- в выявлении типов лексических значений слов при формировании образов бедных детей на уровне авторской речи и прямой речи персонажей;
- в характеристике языковых особенностей речи бедных детей;
- в раскрытии коммуникативных стратегий в тексте по отношению к бедным детям;
- в выявлении отображаемых эмоций и экспрессивности текстовых фрагментов, связанных с ситуацией детской бедности.

Для выявления типов лексических значений слов использовался **метод** контекстного анализа, а также применялись метод количественного анализа для подсчета употреблений в тексте конкретных слов и метод компонентного анализа для выявления типичной лексики при описании материально-бытовых условий жизни